

Таким образом, применение в учебном процессе разработанных методических рекомендаций по конструированию корпусной мебели помогает студентам исключить ряд ошибок, связанных со спецификой проектирования мебели, разработкой конструкторской документации, с правилами соединения деталей и сборочных единиц в готовое изделие. Пособие по конструированию мебели поможет учащимся ознакомиться с новейшими достижениями отечественных и зарубежных технологий в изготовлении корпусной мебели, показать многообразие компьютерных программ для конструирования мебели.

Литература:

1. Барташевич, А. А. Основы композиции и дизайна мебели / А. А. Барташевич, Л. Е. Дягилев, Р. М. Климин, Л. Г. Перелыгин / под ред. А.А. Барташевича / Серия «Высшее образование». – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 192 с.
2. Барташевич, А. А. Основы художественного конструирования : учебное пособие для вузов / А. А. Барташевич, А. Г. Мельников. – Мн. : Высшая школа, 1978. – 216 с.
3. Барташевич, А. А. Конструирование мебели : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Технология и дизайн мебели» / А. А. Барташевич, С. П. Трофимов. – Мн. : Современная школа, 2006. – 336 с.
4. Погребский, М. П. Пособие конструктору мебели / М. П. Погребский. – М. : Лесная промышленность, 1985. – 178 с.

**ШАГИ К ПОСЛЕВОЕННОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ:
ВИТЕБСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОЕ ПЕДУЧИЛИЩЕ
И ВАЛЕНТИН ДЗЕЖИЦ**

*Лисов Александр Геннадьевич,
кандидат искусствоведения, доцент,
доцент кафедры философии и политологии
Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия
ветеринарной медицины,
член Белорусского союза художников
Витебск, Республика Беларусь
e-mail: alisov@tut.by*

Дискуссионным является вопрос об отношении послевоенных этапов истории витебской художественной школы, связанных с созданием Витебского художественно-графического педучилища (1949–1959) и художественно-графического факультета Витебского педагогического института, организованного в 1959 г., с ее предвоенной историей. Допустимо ли в данном случае говорить о преемственности, сохранении художественных традиций школы, если после Великой Отечественной войны учебное заведение формировалось практически на пустом месте. В период 1923–1941 гг. Витебский художественный техникум (училище) по праву можно было считать «кузницей национальных художественных кадров» Беларуси. Эта характеристика давно стала общим местом, как и мысль о том, что большинство белорусских художников старшего поколения было выходцами из витебской школы. Война, немецкая оккупация и годы послевоенной разрухи – целое десятилетие стало, казалось бы, непреодолимым временным пробелом, который потребовал возобновления, возрождения школы с чистого листа. С нуля нужно было формировать кадровый состав и материальную базу, что дает основание скептикам утверждать мысль – преемственности между предвоенной и послевоенной историей школы нет. Если национально-культурное значение витебской художественной школы предвоенного времени является фактом общепризнанным, то о послевоенной школе говорить стали более в контексте регионального ее значения. Эта мысль

стала моментом проявления известного снобизма по мере возникновения, роста и укрепления позиции столичных художественных учебных заведений – Минского художественного училища, основанного в 1947 г., и художественного факультета Белорусского государственного театрально-художественного института, открытого в 1953 г. Такая позиция строится на доводах об отсутствии прямой преемственности, основанием которой всегда была связка «учитель-ученик». В связи с этой же позицией раздаются соображения об отсутствии стилистической целостности феномена витебской художественной школы. Создается пропасть между двумя другими, более ранними этапами истории: Витебским художественно-практическим институтом (мастерскими) и организованным в 1923 г. на его базе художественным техникумом. Сама формула «создан на базе» помогает мало. Разрушается, кажется, основание говорить о какой-либо художественной традиции. В этой связи можно вспомнить: в свое время широко использовалось утверждение, что Витебское народное художественное училище было организовано в 1918 г. художником Марком Шагалов *на базе* частной школы рисования и живописи Ю.М. Пэна. Более основательное изучение исторического материала сегодня дает понимание, что это не так. Показательно, что Ю.М. Пэна не было в числе первого состава педагогов училища [4; 3]. Эта формула на определенном этапе призвана была подчеркнуть преемственность, традицию, и, тем не менее, сегодня от нее уже пришлось отказаться. Важно и то, что на каждом новом ступени истории школы ее новые руководители стремились отрешиваться от творческих принципов и педагогических подходов своих предшественников: Шагал выступал с публичной критикой своего первого учителя Ю.М. Пэна, известна критика Малевича в адрес системы организации школы Шагала, непримиримым противником формалистических экспериментов левых художников во главе с Малевичем был М. Керзин, молодые педагоги художественной школы 1930-х гг. критически относились к опыту своих предшественников.

Изначально следует исходить из понимания традиции как способа передачи социального опыта, в нашем случае, художественного. Чаще всего под термином понимается базисный, атрибутивный характер традиции, в соответствии со способом ее определения. И здесь фактор передачи непосредственного личностного опыта «от учителя к ученику» чрезвычайно важен. Есть ли такая фигура, которая может оказаться связующей в истории довоенного и послевоенного этапов истории школы? В нашем понимании такую важную роль сыграл Валентин Константинович Дзежиц (1904–1964). О его особой роли в послевоенной истории Витебской художественной школы сказано еще вскользь и недостаточно.

Дзежиц представляется едва ли ни единственным из художников, которые работали в Витебске в предвоенные годы в художественном техникуме и училище, и возвратившимся в город после войны. Почти все педагоги техникума в это время оказались в столице. Бывшие педагоги М.А. Керзин, В.В. Волков, В.Я. Хрусталеv, И.О. Ахремчик, а также выпускники учебного заведения, а позднее и его преподаватели – А.О. Бембель, А.К. Глебов, А.П. Мозолев переехали в Минск. Их привлекала перспектива получения художественных заказов, профессиональной работы в столице.

Решающее значение имело создание в 1947 г. Минского художественного училища. После этого на возрождение специального художественного учебного заведения в Витебске никакой надежды не было. Дзежиц, который после возвращения в Витебск, возобновил переписку со своим однокурсником, как и он, выпускником первого выпуска художественного техникума 1926 г. Н.И. Гусевым в одном из писем жалуется на отсутствие всякой работы и обращается с просьбой найти для него хоть какое-нибудь профессиональное занятие. Одновременно он высказывает мнение, что рассчитывать на возобновление работы Витебского художественного училища не приходится [1].

Возрождение художественной традиции в послевоенном, разрушенном Витебске представлялось весьма проблематичным. Запустение, отсутствие в городе какой-либо художественной среды хорошо отражается в воспоминаниях, имеющих отношение к Дзежицу, которыми поделился приехавший в это самое время в Витебск художник В.А. Смерединский. Ощущением пустоты он поделился в своих дневниковых записях. До войны он получил образование в художественном институте в Одессе. Демобилизовавшись из армии, В.А. Смерединский оказался в Витебске в 1946 г. Он пишет: «Впечатление в результате осмотра города осталось тяжелое. Вместо домов я обнаружил груды развалин. Город – кладбище, покинутый людьми ... Я начал искать в городе хотя бы одного живого художника. Ходил по улицам, продолжал знакомство с разрушенным городом. Однажды, пройдя по улице Ленина через скверик (у площади), я вышел к большому полуразрушенному дому (ныне художественно-графический факультет) и начал его внимательно рассматривать. И вдруг, неожиданно из полуразрушенного проема дверей здания появился человек, сев на ступеньки крыльца, начал рисовать. Я заинтересовался, подошел поближе и незаметно стал наблюдать за работой. Падающая от меня тень заставила работающего обернуться, и я увидел худое изможденное лицо человека, живущего, очевидно, в большой нужде. Мы познакомились. Он назвал себя Дзежицем, художником Витебска, и был удивлен, когда узнал, что я тоже художник, хотя и не снявший еще военной формы после демобилизации из Армии. Так у нас произошел разговор в теплой, доверчивой форме, который продолжался не менее двух часов. Выглянула из того же проема дверей женщина и позвала моего собеседника. Вставая, он пригласил меня посмотреть его жилище. Я согласился. Мы пошли разрушенным коридором, спустились в темное подвальное помещение. В полутемноте я сначала не понял, где мы находимся, а затем, освоившись, стал различать в углах огромного подвала некоторые вещи. Вещи были и посередине подвала. – Ну, вот моя квартира, – горько улыбаясь, сказал Дзежиц, показывая на один из углов подвала. Я спросил: – А остальные углы подвала и его середина кем заняты? – А это все мои соседи, – сказал Дзежиц. Он познакомил меня со своей женой и дочерью. Отопление подвала, как я понял, велось примусами и маленькой буржуйкой, стоявшей на свободном месте. Вот так произошло мое первое знакомство с художником Дзежицем. Я попрощался и вышел на свежий воздух. Впечатление о посещении «квартиры» Дзежица осталось тяжелым». Цит. по: [5, с. 64]. Встреча с художником в разоренном войной городе стала совершенной неожиданностью. В этой связи невозможно удержаться от рассуждений о притягательности места, связи человека с местом, памяти места и ее роли в человеческой судьбе. Такую роль в жизни В.К. Дзежица сыграл Витебск.

О В.К. Дзежице специально уже писали [5; 6], однако ни творческая, ни педагогическая его деятельность в контексте истории школы должной оценки пока не получила. Авторы публикаций довольно поверхностно и схематично изложили его биографию и уж совсем не дали заслуженной оценки его роли в деле возрождения художественной традиции в послевоенном Витебске. С.Х. Долматов, который непосредственно был знаком с Дзежицем по работе в художественно-графическом педучилище и на художественно-графическом факультете пединститута, в своей статье сделал акценты более на воспоминаниях и личностных оценках [5], Г.П. Исаков, схематично обозначив наиболее важные вехи его биографии, так и не оценил масштаба этой фигуры в истории послевоенной Витебской художественной школы [6]. Сам Дзежиц, будучи человеком очень скромным, едва ли стремился заявить о себе сам, и при этом сыграл исключительно важную роль в создании художественно-графического педучилища. Нельзя в этой связи не согласиться с лаконичной и конкретной оценкой, высказанной в книге В.Н. Виноградова и Е.Т. Жуковой: «В.К. Дзежиц – его организатор» [2, с. 12]. Раздаются и другие суждения о том, что организатор, руководитель он был неважный и чаще

брал на себя то, что можно было поручить другим. Но на первоначальном этапе послевоенного восстановления школы, когда вместе с педагогами-коллегами В.А. Смерединским и А.В. Корсаковым, которые с витебской традицией изначально связаны не были, он должен был привести в классы утраченную атмосферу художественной школы Витебска.

Дзежиц сначала как ученик, а затем педагог связан с несколькими этапами истории школы. Он начинал учиться в Витебском художественно-практическом институте в 1922 г. тогда, когда в учебном заведении еще витал дух левого новаторства. И хотя К. Малевич вместе со своими наиболее последовательными учениками уже оставил город, Дзежиц застал еще некоторых приверженцев великого супрематиста. Очень значимым оказалось для него дружеское общение с Н.И. Гусевым, с которым он стремился поддерживать контакты на протяжении всей жизни и о котором также следует сказать отдельно. В поисках творческой индивидуальности Гусев приобрел опыт учебы в нескольких разных по методическим принципам школах. Подростком он начинал учиться художественному ремеслу в иконописном училище в Мстёре, затем, призванный в армию, он оказался в Витебске, где учился в художественном училище. В 1922 г. в числе 10 ее учеников он получил документ об окончании учебного заведения. В списке выпускников его специальность в отличие от учащихся супрематической мастерской, составляющих большинство в десятке выпускников и обозначенных как «художники-конструктивисты», он назван «мастером изобразительных искусств по живописи и рисунку». Позднее он посчитал необходимым продолжить получение образования в реорганизованном в 1923 г. художественном техникуме. Приверженность к реалистической академической школе сближало его с Дзежицем. Оба окончили Витебский художественный техникум в 1926 г. с первым выпуском учебного заведения и получили направление в Ленинградский ВХУТЕИИ, учебу в котором оба завершили в 1930 г. Далее их судьбы разошлись, но дружба и переписка сохранялась.

Валентин Дзежиц, который оставался на академических позициях и в творчестве, и в преподавании, как и многие крупные педагоги витебской школы не был приверженцем консервативного подхода, навязывания своих позиций ученикам. Такой принципиальной позиции придерживались академист Ю. Пэн, мирискусник М. Добужинский, а также более свободные их ученики М. Шагал и Л. Лисицкий. Валентин Константинович доносил до своих учащихся общую живописную и графическую культуру, оставляя право на эксперименты, собственный творческий выбор.

В 1931 г., после окончания Ленинградского ВХУТЕИИна Дзежиц вернулся в Витебск в качестве педагога. Витебский художественный техникум переживал очень непростое время, связанное с переломом в общественных условиях жизни, отказом от национально-культурной политики, укреплением консервативных принципов соцреализма в искусстве. В техникуме это время связано со сменой руководства, педагогических кадров, приходом в учебное заведение нового молодого поколения педагогов-выпускников московских и ленинградских вузов. В том же 1931 г. в техникум пришел И.О. Ахремчик, который на протяжении предвоенного десятилетия укрепился в качестве ведущего педагога профессиональных предметов и руководителя учебного заведения.

Послевоенная ситуация в истории витебской школы особенно сложна в плане обоснования механизмов преемственности. Художественно-графическое училище возникло путем реорганизации педагогического училища. Процесс реорганизации проходил в течение 3 лет, в течение которых оба учебных заведения сосуществовали под одной крышей. В этих условиях обеспечение общеобразовательных предметов не представлялось проблемой, но проблемой стали кадры педагогов-художников. Далеко не все художники, которые проживали в это время в Витебске, были готовы к педагогической деятельности. Из первого состава педагогов лишь Дзежиц имел отношение к довоенному преподавательскому коллективу. Правда, для преподавания курса черчения

была приглашена на первых порах также выпускница училища Е.П. Сумник. На этом этапе Валентин Дзежиц преподавал все предметы художественного цикла: рисунок, живопись, лепку. Курс строился на академических принципах, исходя из потребностей программы общеобразовательной школы. Если его занятия по рисунку отмечали многие выпускники училища этого времени, то живопись художника менее впечатляла учеников. Особенно это стало заметно, когда в позднейшие годы в училище стали приходиться педагоги нового поколения.

Авторитет Дзежица, в большей мере педагогический, нежели профессиональный, творческий, оказался значимым для нового поколения преподавателей. Помимо выпускников разных школ, большую их группу составили выпускники Минского художественного училища двух первых выпусков 1951 и 1952 гг.: И.Т. Бобоедов, И.Г. Корнеев И.Г., М.Я. Лисовский М.Я., Н.А. Назарчук, И.М. Столяров, В.Г. Шаталов. В подготовке их принимали участие художники-педагоги, которые сами были связаны с Витебской школой: В. Волков, И. Ахремчик, В. Цвирко, П. Масленников, А. Мозолев, Л. Лейтман, А. Шевченко и др. История Минского государственного художественного училища имени А.К. Глебова непосредственно связывается с историей довоенного Витебского художественного техникума. Как вспоминал художник М.В. Данциг, первый набор Глебовки был сделан сразу на 2 курса. На первый курс принимали молодых ребят, которые только закончили школу, на второй – старших абитуриентов, которые вернулись с фронта и которые учились до войны в разных студиях, кружках, в т.ч. Витебском художественном техникуме. Начало и в Витебске, и в Минске имело на первоначальном этапе и общие, характерные недостатки – отсутствие специализации и условий для ее осуществления. Так вспоминал Б.В. Аракчеев: Училище в то время выпускало очень универсальных художников. До окончания учёбы нужно было сделать два диплома: по живописи и довольно сложный – по черчению. Обучение включало так же сценографию...

Таким образом, Минское художественное училище не только в своем основании опиралось на витебскую традицию, но способствовало ее возрождению. Витебская художественная традиция стала своеобразным бумерангом в истории художественного образования в Беларуси. Отношение к общей традиции подчеркивается и тем обстоятельством, что Минское училище носит имя выпускника Витебского художественного техникума, народного художника БССР А.К. Глебова.

Витебское художественно-графическое педагогическое училище стало основанием для организации художественно-графического факультета педагогического института. Без того коллектива профессионалов, который сформировался в стенах училища, не было бы условий для создания факультета. Фигура В.К. Дзежица, который стал заведующим первой кафедры творческих дисциплин на факультете, кафедры рисунка и графики, очень значима, прежде всего, как педагога, в этом надо согласиться с оценкой Г.П. Исакова [6, с. 118]. Гораздо менее он вспоминается творчеством, хотя был в числе первых (с 1946 г.) членов Витебской областной организации Белорусского союза художников. Но очевидно это удел многих художников, которые отдают себя преподаванию, своим ученикам, оставляя мало времени на собственное занятие творчеством.

Литература:

1. Письма В. К. Дзежица Н. И. Гусеву // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. – Ф. 170. Оп. 1
2. Виноградов, В. Н. Витебское художественно-графическое педагогическое училище / В. Н. Виноградов, Е. Т. Жукова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2005. – 48 с.
3. Вiцебскае мастацкае вучылішча // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі / Рэд. кал. І. П. Шамякін (гал. рэд.). – Мінск : БелСЭ, 1984. – С. 642.
4. Вiцебская школа Пэна // Беларуская савецкая энцыклапедыя / Рэд. кал.: П.У. Броўка (гал. рэд.) і інш. – Т. 3. – Мінск : БелСЭ, 1971. – С. 124.

5. Долматов, С. Х. Художник-педагог В. К. Дзежиц / С. Х. Долматов // Методика развития творческих способностей на занятиях по рисунку, живописи и композиции : Межвузовский сборник научных трудов / редколлегия: Е.В. Шорохов и др. – М. : издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. – С. 59–68.
6. Исаков, Г. П. Художник и педагог Валентин Константинович Дзежиц / Г. П. Исаков // Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и дизайн в системе художественного образования : материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 24 ноября 2010 г. / редколлегия: Д. С. Сенько и др. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2011. – С.113–118.
7. Кликушин, Г. Ф. Воспоминания: по страницам дневников / Г. Ф. Кликушин – Витебск : Самиздат, 2007. – Ч.1. – 232 с.; Ч. 2. – 300 с.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

*Медвецкий Алексей Викторович,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры изобразительного искусства
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Витебск, Республика Беларусь
e-mail: profide@yandex.ru*

Первого сентября 1959 года в соответствии с приказом № 115 от 18 июля 1959 года Министерства просвещения БССР на базе Витебского художественно-графического педагогического училища при Витебском педагогическом институте был организован художественно-графический факультет.

По воспоминаниям одного из организаторов факультета, выпускника витебского художественно-графического педагогического училища, ректора педагогического института им. С.М. Кирова (1978–1997) В.Н. Виноградова речь (дискуссии) о необходимости создания такого факультета при педагогическом институте велась уже с 1955 года. Этому предшествовала длительная организационная работа. Осуществлялись поездки в Москву, Минск, Министерство просвещения, многочисленные встречи с руководством области, в том числе с первым секретарем обкома КПБ В.Е. Лобанком.

В областной прессе конца 1950-х гг. была опубликована статья «Новый факультет», которая сообщала «об образовании Художественно-графического факультета, который будет готовить квалифицированных преподавателей рисования и черчения для школ республики. За четыре года обучения, студенты основательно овладеют рисунком, живописью, композицией, черчением, историей искусств, методиками преподавания» [1, с. 4].

Рубеж 1950–1960-х гг. стал началом создания в СССР широкой сети художественно-графических факультетов при педагогических институтах. Первый такой факультет был открыт по инициативе учеников известного российского художника-педагога Д.Н. Кардовского в декабре 1941 году при Московском городском педагогическом институте и не прекращал свою работу в Москве все тяжелые годы Великой Отечественной войны.

С 1959 года художественно-графические факультеты в структуре педагогических институтов стали создаваться по всему Советскому Союзу. Постепенно между ними наладились профессиональные, научные и творческие связи, обмен учебно-методическим опытом, выставками творческих работ преподавателей и студентов, помогая коллективам факультетов расти и совершенствоваться.

Цель: проанализировать историю создания художественно-графического факультета и определить его роль как важного звена в профессиональной подготовке и эстетическом воспитании будущего учителя изобразительного искусства, художника и ученого.